

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАТУРАЛИЗМА

Аннотация.

Актуальность и цели. Современный этап развития литературоведческой науки обусловлен возрастающим интересом к ряду новых, малоизученных произведений русской литературы конца XIX – начала XX в. Актуальность данного исследования определяется настоятельной необходимостью расширить и систематизировать спектр изучаемого художественного материала с общетеоретических позиций. Это позволит иначе взглянуть на проблему жанровой отнесённости в русле реалистического направления и его видов. Цель работы – рассмотреть своеобразие традиционного типа проблематики с позиций его преломления в новой идеологической и композиционной среде.

Материалы и методы. В качестве текстового материала исследования было использовано творческое наследие основных последователей рассматриваемого направления: П. Д. Боборыкина и В. А. Гиляровского. Особое внимание уделено роману «Китай-город» и книге «Москва и москвичи» как наиболее значимым произведениям, в которых были реализованы основные теоретические аспекты художественного натурализма. Работа выполнена в русле использования традиционного методологического аппарата, включающего в себя описательный и сравнительный методы.

Результаты. Доказано, что в условиях нового литературного течения традиционные литературоведческие категории могут быть представлены в ином свете ввиду целого ряда новоприобретённых функций. Особую роль приобретает в этой связи социальная составляющая повествовательной ткани. На примере двух наиболее крупных и значимых натуралистических произведений рассмотрен проблемный аспект как одна из неотъемлемых составляющих целостного литературного произведения.

Выводы. Рассмотрение традиционных литературных категорий с учётом особенностей их реализации в новой художественной среде позволяет произвести более чёткую и объективную классификацию анализируемых произведений по целому ряду параметров, обозначить их своеобразие в идейном и структурном плане, а также приблизиться к определению их позиций в общем литературном процессе.

Ключевые слова: Боборыкин, Гиляровский, роман, проблематика, сословие.

А. С. Yusyaev

FEATURES OF THE SOCIAL PROBLEMS IN ART NATURALISM WORKS

Abstract.

Background. The present stage of development of literary science is conditioned by increasing interest to the new, poorly-studied works in the Russian literature of the late XIX – early XX centuries. The relevance of this study is determined by the

urgent need to expand and systematize the studied range of artistic material from general-theoretical positions. It will allow to look differently at the genre classification in the course of the realistic direction and its types. The goal of this work is to consider uniqueness of the traditional type of perspective from positions of its refraction in the new ideological and composite environment.

Materials and methods. As a text material of the research we used the creative heritage of P. D. Boborykin and V. A. Gilyarovskiy as the main followers of the considered direction. The special attention is paid to the novels «China-town» and «Moscow and Muscovites» as to the most significant works where the main theoretical aspects of art naturalism were realized. The study was implemented using the traditional methodological basis which includes the descriptive and comparative methods.

Results. It is proved that in the conditions of the new literary movement the traditional literary categories can be presented differently because of several recently acquired functions. As a result the social component of the narrative plays a special role. The problem is considered as one of the essential components of a holistic literary work by the example of the two largest and most important naturalistic works.

Conclusions. Consideration of traditional literary categories, taking into account features of their realization in the new art environment allows to make a more accurate and objective classification of the analyzed works by a number of parameters. It enables to mark their identity, ideologically and structurally, and to approach the definition of their position in the overall literary process.

Key words: Boborykin, Gilyarovskiy, novel, problems, estate.

Прежде чем приступить к предметному рассмотрению социальной линии, отметим, что под социальной проблематикой мы понимаем совокупность общественных взаимодействий разного уровня масштабности, общественные процессы в их пространственном и хронологическом ракурсе и социальные общности, осуществляющие эти процессы. В пореформенной России второй половины XIX в. данные процессы, как известно, приобрели особую значимость, расширившись и вобрав в себя целый ряд новых общественных сил. Речь идёт о купеческом сословии и многочисленных выходцах из бедных слоёв, так называемых разночинцах.

Совершенно понятно, что П. Д. Боборыкин с его романами не находился в стороне от основных направлений русской прозы второй половины XIX в. Если рассматривать наиболее известные произведения писателя, то их конфликт в самом общем плане может быть определён как конфликт между идеей обновления и социальными условиями, которые противоречат ему. В «Сolidных добродетелях» – это образ «кающегося» дворянина Крутицина, осознавшего важность демократических начал. В «Дельцах» конфликт сведён к вопросу о возможностях буржуа нового типа провести экономические реформы на благо большинства населения.

Пожалуй, наиболее полно и ёмко сложившуюся переломную ситуацию П. Д. Боборыкин охарактеризовал в «Письмах о Москве». Свои размышления он сосредоточил на рассмотрении ведущих, как ему мыслилось, движущих сил московского (и российского) общества – дворянства и купечества, а также оценке их дальнейших перспектив в сложной и разветвлённой системе взаимодействия. В этой связи видится необходимым привести здесь его цитату полностью: «До шестидесятых годов нашего века читающая, мыслящая и художественно творящая Москва была исключительно господская, бар-

ская... Купец, промышленник, заводчик и хозяин амбара за всё это время стоял там где-то; в «общество» не попадал, кланялся кому нужно, грамоту знал еще плохо и не далее как двадцать пять лет тому назад трепетал не только перед генерал-губернатором, но и перед частным приставом. В последние двадцать лет, с начала шестидесятых годов, бытовой мир Замоскворечья и Рогожской тронулся: детей стали учить, молодые купцы попадали не только в коммерческую академию, но и в университет, дочери заговорили по-английски и заиграли ноктюрны Шопена. Тяжёлые, тупые самодуры переродились в дельцов, сознававших свою материальную силу уже на другой манер. Хозяйство города к половине семидесятых годов очутилось уже в руках купца и промышленника, а не в руках дворянина.

...Нетрудно предвидеть, что далее пойдет таким же образом: обыватель-коммерсант всё больше будет прибираться к Москве к рукам и сам волею-неволею будет поддерживать и высшую культурную жизнь города, между тем как сословные обитатели Поварской, Арбата, Сивцева Вражка и других дворянских местностей, если они останутся все с тем же духом сословной реакции, обесцветят себя до полного вырождения...» [1, с. 6].

Исходя из данного высказывания, вкуче с общими положениями концепции Боборыкина, вполне очевидным становится общий вывод писателя. Он убеждён, что в пореформенную эпоху новыми вехами для успешного экономического и социального развития России становятся пути сближения, взаимодействия наиболее талантливых, инициативных и предприимчивых представителей родового дворянства, буржуазии, чиновной, инженерно-технической и гуманитарной интеллигенции. Эта же мысль отражена и в работе С. И. Щерблыкина, который утверждает, что «...в «Китай-городе» выражена мечта о компромиссе между либералами-дворянами и активной прослойкой народной среды. Конечно, при этом изображены и частные конфликты – семейные, личные и прочие. Но главным и важнейшим остаётся конфликт социальный» [2, с. 34].

Роман «Китай-город» особенно ценен как раз тем, что являет собой попытку автора продемонстрировать, каким образом умный, сметливый и предприимчивый дворянин стремится найти своё место в практической деятельности, включиться в кипучую жизнь торговой и культурной Москвы. Герой – Андрей Дмитриевич Палтусов, резонируя мысли автора, осознаёт, что прежние времена миновали, что дворянство в своём консерватизме и устойчивой приверженности к старой организации быта медленно, но верно теряет свои позиции. Бывшие генералы вынуждены служить надзирателями на табачной фабрике, а дворянские дочери, чтоб хоть как-то вырваться из нищеты, мечтают начать карьеру актрисы. Из многочисленной диаспоры на плаву пока остаётся только некий Куломзов, да и то лишь потому, что превратился в мелочного и скупого человека, не брезгующего ростовщичеством. «Время прежних Титов Титычей кануло. Миллионные фирмы передаются из рода в род. Какое громадное влияние в скором будущем! Судьба населения в пять, десять, тридцать тысяч рабочих зависит от одного человека. И человек этот – не помещик, не титулованный барин, а коммерции советник или просто купец первой гильдии, крестит лоб двумя перстами. А дети его проживают в Ницце, в Париже, в Трувилле, кутят с наследными принцами, прикармливают разных упразднённых князьков» [3, с. 209].

Иными словами, движение со стороны купечества к дворянству развивается всё возрастающими темпами, обратный же процесс – от дворянства к купечеству – практически не осуществляется. Более того, прежнее понимание дворянского звания как неперемennого атрибута власти, влиятельности и утонченности лишается актуальности. Набирающее влияние и авторитет образованное купечество постепенно осознаёт, что для продуктивной деятельности и культурного образа жизни вовсе необязательно иметь звучную фамилию или громкий титул. В романе этот процесс показан неявно, персонажи, представляющие купеческую среду, ещё ассоциируют дворянство с более высоким уровнем социального и культурного благополучия, однако отголоски намечающегося процесса уже слышны в ряде эпизодов:

«– Однако, André, – заговорила она с усмешкой, – все эти ваши коммерсанты только и думают о том, как бы чин получить... или крестик... Их мечта... добиться дворянства...

– Да, кто потщеславнее...

– Есть уж и такие, которые стали сознавать свою силу. Я знаю молодых фабрикантов, заправляющих огромными делами... Они не лезут в чиновники... Кончит курс кандидатом... и остается купцом, заводчиком. Он честолюбив по-своему» [3, с. 202].

В этой многоликой деятельной массе особое место принадлежит не только чиновникам, купцам и промышленникам, но и собственно производящей силе – рабочим. В количественном плане им уделено несравнимо меньше внимания в силу ряда мировоззренческих концепций Боборыкина, о которых говорилось выше. Однако для отображения всей полноты социальной картины, развёрнутой в романе, следует всё же рассмотреть рабочий класс в том объёме, в каком он представлен в произведении.

Боборыкин, как указывалось, в качестве основных движущих общественных сил видел практическую деятельность представителей купечества и дворянства. В связи с этим изображение рабочей среды в «Китай-городе» призвано, с одной стороны, дать более широкое и многостороннее изображение производственного процесса, с другой же, представляет собой конкретное воплощение экономической хватки того или иного промышленника, его отношение к производству и людям, занятым на нём, – иными словами, является дополнительным звеном в образной характеристике персонажа.

Скажем, будничный труд на мануфактурной фабрике Анны Петровны Станициной представлен следующим образом: «Запах масла, гари, особый жар, смешанный с парами, обдали ее. Рабочие смотрели на них добродушно своими широкими потными лицами. У одного кочегара ворот рубашки был растёгнут и ноги босые...». И далее: «Они вошли в помещение, где лежали груды грязной шерсти. Воздух был пресыщен жирными испарениями. Рядом промывали. В чанах прела какая-то каша и выходила оттуда в виде чистой желтоватой шерсти. Рабочие кланялись хозяйке и гостям. Они были все в одних рубашках. Анна Серафимовна хранила степенное, чисто хозяйское выражение лица» [3, с. 385–386].

Как видим, Боборыкин здесь также не отступает от принципов художественного натурализма. Он не выписывает картин идиллического труда в угоду более выгодного представления купеческого сословия, его умения вести дела и осуществлять прогрессивную созидательную деятельность. Вме-

сто этого мы наблюдаем повседневную работу, трудную и грязную, которая изображена такой, какая она есть, и, что не менее важно, такой, какая она должна быть. При всей своей возможной неприглядности она не вызывает отвращения – это необходимый труд, непрременная основа той самой масштабной прогрессивной деятельности. Рабочие тоже включены в активное созидательное развитие, более того, являются его неотъемлемой частью. Это, по мысли Боборыкина, и является источником того взаимного уважения, которое должно стать залогом продуктивного взаимодействия «верхов и низов» в рамках производственного процесса. Боборыкин в силу избранной тематики и проблематики своего романа не стремится проникнуть в глубинные аспекты взаимоотношений внутри рабочей среды – это означало бы отклонение от изначально выбранного вектора. Вместо этого он предлагает ряд кратких и точных картин, которые формируют общее, но оттого не менее правдивое представление о самом «нижнем», но оттого не менее важном ярусе формирующегося в России капитализма.

Данный аспект социальной проблематики важен ещё и потому, что позволяет провести чёткие параллели с книгой «Москва и москвичи» и в целом с художественным и публицистическим творчеством Гиляровского. Если у Боборыкина рабочая, «низовая» среда представлена неявно, в нескольких штрихах, то Гиляровский уделяет ей куда большее внимание. Вновь нельзя сказать, чтобы она занимала в ткани его повествования какую-то особую роль, однако в силу своего воспитания, характера, образа жизни Гиляровский всегда чутко и внимательно относился к самым разным слоям общества, справедливо признавая за ними право на честный труд и достойный заработок.

Подобная манера сформировалась у автора «Москвы и москвичей» ещё на ранних этапах его творчества, когда он совершал первые шаги в литературе, выступая как журналист и очеркист в различных московских газетах, среди которых можно упомянуть «Русские ведомости», «Московский листок» и «Русское слово». «Трагические» репортажи Гиляровского, которые являлись его основной специализацией и были посвящены различного рода катастрофам, крушениям и пожарам, всегда содержат гуманистический пафос и социально ориентированы. Он довольно быстро отходит от традиционной в то время журналистской театральности, крикливой экспрессивности и ненужных красотостей, избирая свой стиль, свою манеру повествования. Описание катастрофы для него не самоцель, а способ привлечь внимание широкой общественности к той или иной проблеме.

Можно отметить также традиционную для Гиляровского дифференциацию экспрессивной составляющей репортажей: широкая палитра чувств при описании собственно трагедии и взвешенный, рациональный, тщательно продуманный рассказ о её результатах и последствиях. Экспрессивность Гиляровского направлена на вполне конкретные цели, почти всегда имеющие явный социальный подтекст: «В больнице лежат трупы. Михаила Титова, 45 лет, оставившего после себя жену, мать и восемь человек детей. По словам знающих эту семью, «у них нет денег на фунт восковых свечей для панихиды». Затем трупы крестьян деревни Голубевой: Михаила Петрова, 20 лет, Егора Петрова, 20 лет, оставившего жену и двоих детей, Василия Алексева, 23 лет, мещанина города Егорьевска Василия Яковлева, лет 35, и Василия Степанова из деревни Ширяевой, оставившего в крайней бедности троих де-

тей. По случаю катастрофы в Егорьевск приехал из Зарайска товарищ прокурора и приезжал 11 января чиновник из Рязани от губернатора, но уехал в тот же день...» [4, с. 180].

Это не эмоции ради эмоций, не попытка сыграть на чувствах и «выдавить слезу» у сердобольного читателя и даже не забота о тираже газеты. Это стремление обратить на ужасное происшествие внимание как можно большего числа людей; стремление не только описать трагедию, но и предотвратить её повторение. Обстоятельный подход к выбору и обработке материала позволяет Гиляровскому добиться высокого стилистического уровня практически в любой своей корреспонденции.

В связи с вышесказанным следует подчеркнуть ещё один немаловажный аспект, касающийся содержательного уровня газетных очерков и репортажей. Гиляровский никогда не останавливает своё внимание исключительно на событийной канве произошедшего, не ограничивается формальным отчётом о какой-либо трагедии как отдельно взятой катастрофе единичного характера. Ненавязчиво, буквально с помощью одной детали он превращает традиционный для репортажа приём – диалог участников события, короткое описание, собственные размышления – в элемент обобщения и расширения внутренней составляющей материала, который формирует собственный внутренний подтекст. Автор неизменно обращает внимание читателей на судьбы простых людей, порой не скрывая своей неприязни по поводу неприкрытого равнодушия официальных властей, заводчиков и купцов.

Разумеется, не стоит переоценивать значение и роль подобных фрагментов в его материалах и видеть в них ключевой, центральный элемент организации репортажа. Однако совершенно особая трепетность, с которой Гиляровский относился к людям, его понимание скрытых причин тех или иных событий и широкий взгляд на вещи едва ли могут быть подвергнуты сомнению.

Подобное отношение к простому народу Гиляровский переносит и в свою книгу «Москва и москвичи». Однако подход к построению и идейной составляющей текста здесь несколько иной. Это связано с тем, что «Москва и москвичи» – произведение в гораздо большей степени художественное, чем публицистическое. Являясь закономерным результатом развития художественного натурализма на позднем этапе, оно преследует вполне определённую цель – дать правдивое, масштабное и яркое описание Москвы конца XIX в., чтобы сохранить безвозвратно уходящий образ старой столицы. При такой постановке вопроса было просто невозможно сосредоточить основное внимание не только исключительно на каком-либо одном сословии, но даже на социальной проблематике. Требовалась куда более широкая, всеохватная картина московской жизни. Кроме того, в отображённую в «Москве и москвичах» эпоху рабочие, откровенно говоря, не являлись значимой общественной силой. Это вполне объясняет тот факт, что Гиляровский со своей постоянной склонностью к правдивости и жизнеподобию справедливо переместил акцент на более масштабные и колоритные слои московского общества.

Однако некоторое противопоставление «верхов и низов» всё же есть. Впрочем, оно представлено в некоторой степени завуалированно, порой на уровне общей атмосферы авторской неприязни к резкому и несправедливому социальному неравенству, прорываясь наружу только в моменты своего апогея, когда контраст становился особенно отталкивающим: «И ходили солдаты

полураздетые, в протухлых, плешивых полушубках, в то время как интендантские «вась-сияси» «на шепоте дутом» с крашеными дульцинеями по «Ярам» ездили... За счет полушубков ротонды собольи покупали им и котиковые манто... И кушали господа интендантские «вась-сияси» деликатесы заграничные, а в армию шла мука с червями» [5, с. 48].

Заметим, впрочем, что в приведённой цитате в качестве «низов» выступают солдаты, чьё положение всегда оказывалось значимым индикатором для отображения политического, экономического и духовного состояния общества. Это как раз тот нечастый случай, когда Гиляровский впрямую указывает на острые социальные противоречия, рассматривая их с позиций, близких критическому реализму. Большею частью он стремится отойти от этого, занимая позицию объективного наблюдателя, чуткого и внимательного в личностном плане, но избегающего в то же время каких-либо далеко идущих социальных обобщений.

Показательно, что даже при описании жутких хитровских трущоб и сухарёвских трактиров с сомнительной славой Гиляровский не погружается в обличительный пафос, ограничиваясь лишь короткими актуальными комментариями, дабы отдать дань новому времени, в которое создавалась «Москва и москвичи». В остальном же «дно» московского общества предстаёт вполне сформированным социумом со своими законами, обычаями, образом жизни. Воры, лоточники, шулера, нищие, беглые каторжники, половые и т.д. контекстуально верно вписаны в многоцветное полотно московской жизни, органично уживаясь со всеми остальными общественными слоями и формируя вместе с ними общую картину.

Характерно также, что отсутствует какая-либо кастовость, обособленность, замкнутость социальных групп внутри себя. Постоянно взаимодействуя друг с другом, представители самых разных слоёв включаются в сложный и непредсказуемый круговорот социальных перемещений. Именитые члены общества и владельцы дворянских особняков порой вынуждены обитать в самых дешёвых ночлежках: «Проживал там также горчайший пьяница, статский советник, бывший мировой судья... Рядом с ним на нарах спал его друг Добронравов, когда-то подававший большие надежды литератор» [5, с. 61]. И напротив, кому-то из мелкой трактирной прислуги порой выпадает шанс пробиться во влиятельные торговцы, стать меценатом и почётным гражданином: «Подъезжает в день бала к подъезду генерал-губернаторского дворца какой-нибудь Ванька Кулаков в белых штанах и расшитом «благотворительном» мундире «штатского генерала», входит в вестибюль, сбрасывает на руки швейцару соболью шубу и, отсалютовав с вельможной важностью треуголкой дежурящему в вестибюле участковому приставу, поднимается по лестнице в толпе дам и почётных гостей» [5, с. 65].

Косвенным подтверждением сложных социальных взаимоотношений является и тот факт, что собственно рабочая среда представлена в книге Гиляровского необособленно, выходя за границы традиционного определения «пролетариата». Гиляровский предлагает более простую трактовку: рабочий в его понимании – это человек, занятый повседневным трудом, преимущественно физическим. Степень организованности этого труда может быть различна, однако неизменным остаётся отношение рабочего к своей деятельности как трудному, но справедливому и, что особенно важно, объективно законному источнику дохода.

Сопоставляя рабочую среду в «Москве и москвичах» с купеческой, отметим, что, как и у Боборыкина, две эти социальные общности, хотя и существуют бок о бок, хотя и вписаны неразрывно в общую картину московской жизни, но в то же время существуют словно параллельно, независимо друг от друга. Собственно, мы вправе повторить прозвучавшую выше мысль о том, что в обоих рассматриваемых произведениях ведущее положение принадлежит именно купечеству. В романе Боборыкина оно занимает центральную позицию как в количественном, так и в качественном отношении, целиком доминируя на социальной арене. В книге Гиляровского роли распределены более равномерно, однако купечество вновь предстаёт самой колоритной, самой масштабной и значимой силой. Именно купечество строит дома, содержит лавки и трактиры, выделяет деньги на благотворительные и прочие нужды – словом, осуществляет ту деятельность, которая хотя далеко не всегда является исключительно правильной, справедливой и даже логически оправданной, но которая в конечном итоге формирует столь милый сердцу Гиляровского облик старой Москвы: «С одной стороны близ Хитровки – торговая Солянка с Опекунским советом, с другой – Покровский бульвар и прилегающие к нему переулки были заняты богатейшими особняками русского и иностранного купечества. Тут и Савва Морозов, и Корзинкины, и Хлебниковы, и Оловянишниковы, и Расторгуевы, и Бахрушины...» [5, с. 87].

Здесь, кстати, стоит отметить ещё одну любопытную деталь. Рассматривая социальную линию проблематики произведений с точки зрения авторского замысла, мы закономерно приходим к выводу о том, что купечество, являясь центральным персонажем, всё же представлено у Боборыкина и Гиляровского в разных ракурсах, выполняет разную художественную задачу. В «Китай-городе» это динамичная, движущая, прогрессивная сила, которая, обобщив собственные достижения и переняв европейский опыт, стремительно развивается во всех направлениях, увлекая в этом порыве едва ли не всю мыслящую Россию. Гиляровский же видит в купечестве прежде всего хранилище национального духа в разнообразных его проявлениях, с присущими русскому человеку щедростью, хлебосольностью, бесшабашностью и умением ощущать жизнь во всей её полноте. Если у Боборыкина купечество – это уверенное прогрессивное развитие, то у Гиляровского – средоточение русских нравов и обычаев, явившееся неотъемлемой частью уходящей эпохи и представляющее ценность именно в этом качестве.

Подводя промежуточный итог, заметим, что рассмотренная нами социальная проблематика представлена в романе «Китай-город» и книге «Москва и москвичи» довольно широко, особенно по отношению к другим типам проблематики. В этом нет ничего удивительного, поскольку такое распределение акцентов в значительной степени обусловлено спецификой и задачами художественного метода, которые заключаются в как можно более полном изображении среды.

Показательным представляется и тот факт, что если всё же соотносить с традиционной классификацией избранное нами рассмотрение проблематики произведения по отдельным линиям, то стоит отметить, что применительно к «Москве и москвичам» Гиляровского социальная линия почти идеально вписывается в рамки социокультурного аспекта, выделяемого Г. Н. Пospelовым [6, с. 167]. Причины этого вполне ясны: соответствующий авторский замысел, очерковость повествования, общая статика и масштабность зарисовок.

В отношении Боборыкина данное положение нельзя представить столь однозначно. В первую очередь это связано с тем, что «Китай-город» – произведение, вполне определённое в жанровом отношении, является романом. Поэтому даже при всех особенностях художественного натурализма, присущих ему (своеобразие композиции, ослабленность сюжетных линий, практически полное отсутствие конфликта), достаточно весомую роль играет личность – а это значит, что есть место и для романной проблематики. Более того, в романе весьма широко и полномасштабно представлена вполне определённая эпоха, имеющая важное значение для российской истории – иными словами, угадываются отголоски национальной проблематики.

Таким образом, рассмотрение социальной линии в нашем понимании является необходимым начальным этапом, который можно расценивать как ключевой в плане анализа сложной и многоаспектной проблематики вышеуказанных произведений.

Список литературы

1. **Чупринин, С. И.** Москва и москвичи в творчестве Петра Дмитриевича Боборыкина / С. И. Чупринин // Боборыкин П. Д. Китай-город. – М. : Московский рабочий, 1985. – 492 с.
2. **Щеблыкин, С. И.** Романы П. Д. Боборыкина в контексте русской прозы второй половины XIX века : моногр. / С. И. Щеблыкин. – Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2002. – 259 с.
3. **Боборыкин, П. Д.** Сочинения : в 3 т. / П. Д. Боборыкин. – М. : Художественная литература, 1993. – Т. 2. – 574 с.
4. **Митрофанов, А. Г.** Гиляровский / А. Г. Митрофанов. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 307 с.
5. **Гиляровский, В. А.** Собрание сочинений : в 4 т. / В. А. Гиляровский. – М. : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. – 95 с.
6. **Поспелов, Г. Н.** Проблемы исторического развития литературы / Г. Н. Поспелов. – М. : Просвещение, 1972. – 272 с.

References

1. Chuprinin S. I. *Boborykin P. D. Kitay-gorod* [Boborykin P.D. China-town]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1985, 492 p.
2. Shcheblykin S. I. *Romany P. D. Boborykina v kontekste russkoy prozy vtoroy poloviny XIX veka: monogr.* [Novels by P. D. Boborykin in the context of the Russian prose of the second half of XIX century: monograph] Tambov: Tambovskiy gosudarstvennyy universitet im. G. R. Derzhavina, 2002, 259 p.
3. Boborykin P. D. *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1993, vol. 2, 574 p.
4. Mitrofanov A. G. *Gilyarovskiy*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2008, 307 p.
5. Gilyarovskiy V. A. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collection of works: in 4 volumes]. Moscow: Poligrafresursy, 1999, vol. 4, 95 p.
6. Pospelov G. N. *Problemy istoricheskogo razvitiya literatury* [Problems of historical development of literature]. Moscow: Prosveshchenie, 1972, 272 p.

Юсяев Алексей Сергеевич
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: alexej_jusaev@mail.ru

Yusyaev Alexey Sergeevich
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 821.161.1

Юсяев, А. С.

Особенности социальной проблематики в произведениях художественного натурализма / А. С. Юсяев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 78–87.